

АЛЬМАНАХ
«ПРАВОСЛАВИЕ»
выпуск II, 2013 г.
(специальный оттиск)

Сергей Алексеев

МИФ
О НАСИЛЬСТВЕННОМ
КРЕЩЕНИИ РУСИ

Москва,
2013

Одобрено Синодальным
Информационным Отделом
Русской Православной Церкви
Свидетельство № 190 от 2.12.2011

Альманах «ПРАВОСЛАВИЕ»

Сайт: <http://orthojournal.ru>

E-mail: pravoslavie@orthojournal.ru

Главный редактор: диакон Георгий Максимов

Редколлегия: епископ Проватский Игнатий,
Люлька А.В., Станкович С., Хвесюк А.В.

Алексеев С.В. Миф о насильственном крещении Руси // Альманах «Православие», вып. II. М., 2013. 40 с.

Один из расхожих штампов что у атеистов, что у неоязычников — обвинения христиан в насильственном крещении Руси, при котором, якобы, истреблялись миллионы людей и текли реки крови. Московский историк С.В. Алексеев на фактическом материале показывает несостоятельность этого мифа.

«Огнем и мечем» — такова хрестоматийная характеристика крещения русских земель в 988–989 гг. при князе Владимире. Концепция «насильственного крещения стала практически общепринятой в отечественной науке советского периода. Некоторые историки (не говоря уже о следующих за ними публицистах и писателях) рисуют картины кровавого подавления массовых восстаний, поголовного истребления сопротивляющихся языческих жрецов и т. д.¹ Особенно велико давление этого стереотипа на учебную и научно-популярную литературу. Однако при первой же попытке «идти от источников» обнаруживается множество парадоксов.

Археология — надежный наш помощник в реконструкции древнейшей истории — безмолвствует. По сути, нет практически никаких материальных подтверждений (пожарища, бегство или гибель населения и т. д.) массового характера общественных катаклизмов, будто бы сопровождавших крещение. Даже языческие святилища на периферии Руси функционировали еще спустя столетия.

Если же мы обратимся к письменным источникам, то увидим, что летописи, действительно, сообщают о мятежах, поднимаемых привер-

¹ Научный вариант данного текста со ссылками на литературу см.: http://pravoslavni.ucoz.ru/news/kreshhenie_rusi_istochniki_protiv_interpretacij/2011-12-27-725

женцами язычества, и о репрессиях против них. Но говорят они об этом как о событиях исключительных, и происходивших уже в XI и последующих веках.

Давайте же рассмотрим свидетельства древних письменных источников — летописей, житий, правовых кодексов — о том, как происходило крещение Руси.

Подробный рассказ о крещении Киева появляется уже в Начальном летописном своде XI в. и без изменений перешел в «Повесть временных лет» (далее — ПВЛ, начало XII в.). Ниже приводится летописный рассказ по Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лм). Эта часть летописи заимствована из киевского Начального свода второй половины XI в., который был использован и в ПВЛ. Итак, Владимир возвращается в Киев из Херсонеса, где был крещен:

И как пришел, повелел кумиров ниспровергнуть, одних изрубить, других огню предать. Перуна же повелел привязать коню к хвосту и волочь с горы по Биричеву на Ручай, и 12 мужей приставил бить жезлами. Это не потому, что дерево чувствует, но на поругание бесу, что прельщал этим образом людей, — да возмездие примет от людей. Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои; вчера [он был] чтим людьми, а сегодня поругаем. Пока же влекли его по Ручаю к Днепру, плакались по нему неверные лю-

ди, — еще ведь не приняли святого крещения. И проволочив, бросили его в Днепр. И приставил Владимир, сказав еще: «Если где пристанет, то отталкивайте его от берега, а когда пройдет пороги, оставьте его». Они же повеленное сотворили; и как отпустили и прошел сквозь пороги, изверг его ветер на мель, и после того прослыла она как Перуня рень, как и до сего дня слывет. Потом же Владимир послал по всему граду, говоря: «Если кто не обрящется на реке, богат, убог или нищ, или работник, — противник мне будет». Это услышав, люди с радостью пошли, радуясь и говоря: «Если бы было это не добро, не приняли бы сего князь и бояре». Наутро же вышел Владимир с попами ца-рицыными и с корсунскими на Днепр, и сошлось без числа людей, и влезли в воду, и стояли — кто до шеи, другие же по грудь, молодые же у берега, другие же младенцев держали, свершенные же бродили; попы же стояли, молитвы творя... Крестившись же, люди пошли каждый в дом свой.

Далее кратко и обобщенно описывается строительство церквей «по местам, где стояли кумиры» и крещении «по всем градам и селам». Отмечается, что первые попытки забрать детей «нарочитой чади» в «учение книжное» вызвало страх их матерей: «как по мертвецам плакались». Это указывает на вполне естественное еще недоверие к новой вере и создает некоторое глу-

бинное противоречие в рассказе. Действительно, люди, оплакивавшие Перуна, уже на следующее утро с радостью идут к крещению. Очевидно, однако, что такую картину летописцу создало полное отсутствие в Киеве какого бы то ни было открытого противления крещению. Киев, оплакав низвергнутого идола, принял новую веру мирно и с несколько показной готовностью.

Причины такой перемены настроений ясны. Религиозные реформы были не внове для Киева. Вера князей менялась на памяти одного поколения не раз. Христианство проповедовалось на Руси уже больше века, и наверняка в городе было немало тайных христиан и сочувствовавших христианству. Более того, это было не первое разрушение идолов на памяти того поколения киевлян. Уже Ольга, вернувшись из Константинополя в 957 г., согласно первому русскому агиографу Иакову Мниху, «*требища бесовские сокрушила*». Вероятно, крестившаяся княгиня ликвидировала старое капище на княжеском дворе. Позднее, к концу жизни, когда языческая партия усилилась под покровительством ее сына Святослава, Ольга уже «*имела пресвитера втайне*» — то есть теперь христианские обряды нельзя было отправлять легально даже княгине. Но новое капище при этом соорудил лишь Владимир, захватив Киев, около 980 г. Киевляне с готовностью приносили новым идолам кровавые

жертвы, в том числе человеческие, однако едва ли готовы были сами умирать в их славу. Столица была вполне настроена на то, чтобы принять любую волю государственной власти в религиозных вопросах. Судя по всему, так же обстояло дело в большинстве крупных городов.

Итак, складывается ощущение мирного и отчасти формального принятия крещения горожанами в 988 г. Оно происходило под несомненным воздействием верховной власти, но как будто не сопровождалось ни репрессиями, ни массовыми силовыми протестами. Следует, кстати, помнить, что речь идет еще о полупервобытном обществе, где оружие имелось в доме каждого свободного «мужа». Возможностей для массового мятежа было достаточно — но его не произошло.

Как был крещен Новгород по древним источникам?

Считается, что известие Иоакимовской летописи XVII в. о насильственном крещении Новгорода разрушает эту идеализированную картину. Проанализируем же всю сумму летописных сообщений о крещении Новгорода.

Самый древний рассказ о крещении Новгорода находим в Новгородской первой летописи младшего извода (Н1Лм). Это самое древнее, не моложе XII века, повествование о крещении новгородцев. Вот оно:

В лето 6497 крестился Владимир, и вся земля Русская; и поставили в Киеве митрополита, а в Новгороде архиепископа, а по иным градам епископов, попов и диаконов; и была радость всюду. И пришел к Новгороду архиепископ Аким Корсунянин, и требища разрушил, и Перуна срубил, и повелел влечь его в Волхов; и повергли вожжами, влекли его по грязи, избивая палками; и заповедал никому и нигде его не принимать. И шел пидьблянин рано на реку, желая горшки везти в город. А тут Перун приплыл к мосткам, и отринул тот его шестом: «Ты, — сказал, — Перунице, досыта пил и ел, а ныне поплыви прочь». И уплыл со света некошный.

Как видим, здесь нет данных о насильственном характере крещения и каких-либо конфликтах. Власть, как и в Киеве, призывает «не принимать» сверженного и опозоренного идола — и призыв этот услышан. Гончар из Пидьбы (села под Новгородом) посрамляет павшего бога, что встречает, разумеется, полное одобрение летописца. В такой картине, заметим, нет ничего недостоверного, — государственный культ Перуна был навязан Новгородчине из Киева в качестве основного лишь за несколько лет до того. Заметим, что и тогда не говорится о каких-либо беспорядках и конфликтах («и жертвовали ему люди новгородские как богу»).

В следующей по времени после Начальной летописи — Повести временных лет начала XII в., как уже было сказано, речь о крещении Новгорода не идет вообще. Примечательно, что отсутствуют и те данные из вышеприведенной статьи 6497 «лета», которые просто не могли не присутствовать в первоначальном рассказе о крещении Руси — сведения об учреждении иерархии во главе с митрополитом.

Ряд известий собственно новгородских летописцев о крещении Новгорода открывает статья из Новгородского летописного свода 1411 года, вошедшего в состав Новгородско-Карамзинской летописи. Он, в свою очередь, стал источником для общерусского свода 1418 года, который отразился в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях. Эти своды содержат немало уникальных известий по истории Киевской Руси, и известия эти, как правило, достоверны.

В новгородской летописи начала XV столетия имелся, конечно, и рассказ о крещении, несколько отличный от Новгородской первой летописи младшего извода. Приводим его:

В лето 6497 крестился Владимир и взял у Фотия, патриарха цареградского, во-первых, митрополита Киеву Леона, и в Новгород архиепископа Акима Корсунанина, а по иным градам епископов, попов и диаконов, которые крестили всю землю Русскую. И была радость всюду. И

пришел в Новгород архиепископ Аким, и трибища разорил, и Перуна срубил, и повелел влечь его в Волхов. И повергли вожжами, влекли его по калу, избивая палками и пихая. И в то время вошел в Перуна бес и начал кричать: «О горе! Ох мне! Достался немилостивым сим рукам!» И швырнули его в Волхов. Он же, проплывая под великим мостом, бросил палицу свою на мост — от нее-то и ныне безумные убиваются, утеху творя бесам. И заповедали никому нигде не перенимать его. И шел пидьблянин рано на реку, желая горшки везти во град. А Перун приплыл к мосткам, и отринул тот его шестом: «Ты, — сказал, — Перунице, досыта пил и ел, а нынче поплыви прочь». И поплыл со света некошный.

В этом тексте имеются две существенные вставки по сравнению с предыдущим рассказом. Во-первых, введена известная, но недостоверная легенда о крещении Владимира при патриархе Фотии. Именно в связи с этим называется первый митрополит Леон, ранее известный в основном по митрополичьим перечням.

Вторая вставка относится к рассматриваемой нами истории крещения новгородцев. Летописец ввел довольно популярный в Новгороде фольклорный сюжет о проклятии Перуна, из-за которого начались вечерые побоища на мосту через Волхов. Таким образом, новгородский идол, в отличие от киевского двойника, в народ-

ной памяти все-таки «заверещал». Софийская первая летопись добавляет к его воплям еще и пророчество, изреченное после броска палицы: *«Этим пусть меня поминают новгородские дети»*. Этот миф, сложившийся, как видим, уже в эпоху удельной раздробленности, ничего не добавляет к картине крещения. Хотя, несомненно, он свидетельствует о страхе вчерашних язычников перед своим повергнутым божеством.

С легкой руки создателей общерусского летописного свода 1418 года именно эта редакция рассказа попала в подавляющее большинство позднейших русских летописей, в том числе и в поздние новгородские. Изменения, вносившиеся в текст, оказались незначительны.

Самым существенным оказалось дополнение общерусского Сокращенного летописного свода 1495 года. После рассказа о крещении Владимиром киевлян здесь добавлено: *«а Добрыню послал в Новгород»*. Хронограф 1512 года добавляет, скорее по общей логике, зачем именно был послан Добрыня: *«и там повелел крестить всех»*. Можно полагать, что до конца XV — начала XVI в. дожили предания о крещении новгородцев Добрыней. Хотя, с другой стороны, нельзя не отметить, что это мог быть и домысел московских летописцев, знавших, что Добрыня при Владимире управлял Новгородом. Их вывод, выглядит и на наш взгляд вполне досто-

верно. Впрочем, столь значительные вольности для XV века еще нехарактерны. Скорее всего, в легендах говорилось, что при крещении киевлян Добрыня находился в Киеве, а затем был отправлен Владимиром в Новгород вместе с Иоакимом. Учитывая, что об участии Добрыни в походе на Херсонес ничего неизвестно, логично заключить, что Добрыня оставался в Киеве за племянника и крестился лишь в числе киевлян, в водах Почайны.

Заметим, что если бы не это свидетельство, в самом факте крещения ревностного язычника Добрыни правомочно было бы усомниться. Почти сразу после крещения Владимир посылает в Новгород нового правителя. А значит, всемогущего княжеского кормильца уже нет в живых. По Начальной летописи и Повести временных лет можно было бы заключить, что Добрыня умер вскоре после 985 года. Но с учетом свидетельств XV века его смерть следует относить к концу 989 — началу 990 года.

Уже совершенно явными домыслами выглядят позднейшие сообщения Никоновской летописи XVI века. Поздний летописец приписал Добрыне, будто бы сопровождавшему самого митрополита Михаила, крещение едва ли не всего севера Руси.

О чем свидетельствует Иоакимовская летопись?

Ярко выделяется на фоне многочисленных переработок повествования Свода 1418 года лишь один текст — фрагмент Иоакимовской летописи. Это сочинение (на самом деле не летопись, а сказание о ранней истории Руси и ее обращении в христианство) сохранилось только в окончательной редакции «Истории Российской» В.Н.Татищева, виднейшего русского историка XVIII века. Кое-кто и сейчас допускает, что Иоакимовская летопись — подлинные записки Иоакима, первого епископа Новгородского и современника князя Владимира. Однако автор с первых строк отнюдь не выдает себя за Иоакима, а лишь ссылается на него как на осведомленный источник. Специалисты-историки едины в понимании того, что «летопись» по языку и содержанию является памятником второй половины XVII или даже первой половины XVIII века. Её составитель использовал как русские, так и печатные польские и немецкие источники того времени. Причем среди русских источников за записи Иоакима «летописец» принял нечто намного более позднее. Достаточно сказать, что крещение Руси связывается нашим Псевдо-Иоакимом с именем болгарского царя Симеона, каковой почил за полвека до этого события.

О крещении новгородцев Иоакимовская летопись (по черновой рукописи В.Н.Татищева, в нашем переводе на современный русский) сообщила следующее:

В Новгороде люди, проведав, что Добрыня идет крестить их, учинили вече и поклялись все не пустить его во град и не дать идолов ни спровергнуть. И когда пришел, они, разметав мост великий, вышли с оружием, и сколько Добрыня угрозами и ласковыми словами не увещевал их, они не хотели и слушать, и вывезя 2 самострела великих со множеством камней, поставили на мосту, будто на сущих врагов своих. Мы же стояли на торговой стране, ходили по торжищам и улицам, учили людей, сколько могли. Но гибнуцим в нечестии слово крестное, как апостол рек, явилось безумием и обманом. И так пребывали два дня, несколько сотен крестив. Тогда тысяцкий новгородский Угоняй, ездя повсюду, вопил: «Лучше нам помереть, нежели богов наших дать на поругание». Народ же оной стороны, рассвирепев, дом Добрынин разорил, имение разграбил, жену и неких сродников его перебил. Тысяцкий же Владимир Путята, как муж смысленый и храбрый, приготовив ладьи и избрав от Ростовцев 300 мужей, ночью переехал выше града на ту сторону и вошел во град, никем не замеченный, — все ведь принимали воев за своих. Он же, дой-

дя до двора Угоняева, оного и других передних мужей взял и отослал к Добрыне за реку. Люди же стороны оной, услышав об этом, собрались до 5000, окружив Путяту, и была между ними сеча злая. Некие, пойдя, церковь Преображения Господня разметали, и дома христиан грабили. Уже на рассвете Добрыня со всеми сущими при нем подоспел и повелел у берега некие дома зажечь, чем люди еще более устрашились, побежали огонь тушить. И оттого прекратилась сеча, и тогда передние мужи запросили мира.

Добрыня же, собрав воев, запретил грабеж, и затем идолов сокрушили, — деревянных сожгли, а каменных, изломав, в реку ввергли. И была нечестивым печаль великая. Мужи и жены, увидев то, с воплем великим и слезами просили за них, как за сущих своих богов. Добрыня же, насмехаясь, им вещал: «Что, безумные, сожалеете о тех, которые себя защитить не могут, какую помощь вы от них чаять можете?» И послал повсюду, объявляя, чтоб шли ко крещению. Воробей же посадник, сын Стоянов, при Владимире воспитанный и вельми сладкоречивый, пошел на торжище и более всех увещевал. Пошли многие, а не хотевших креститься воины влекли и крестили, мужей выше моста, а жен ниже моста. Тогда многие некрещеные называли себя крещеными; того ради повелел всем крещеным кресты деревянные, или медные, или оловянные на

вью возлагать, а если того не имеют, не верить и крестить. И затем разметанную церковь опять соорудили. И так крестив, Путята пошел ко Киеву. Из-за этого люди поносят новгородцев: Путята крестил мечом, а Добрыня огнем.

К Иоакимовской летописи вообще и к этому, наиболее известному ее свидетельству в частности, в науке существует прямо противоположное отношение. Одни исследователи видят в Иоакимовской совершенно адекватный, хоть и очень поздний источник и, подчас без каких-либо оговорок, пишут о «восстании» новгородцев против крещения. С другой стороны, некоторые источниковеды высказывали решительные сомнения в подлинности источника вообще, предлагая видеть в нем полностью или частично творчество самого В.Н.Татищева.

Вклад его несомненен — текст летописи в черновой и белой рукописях Татищева не совпадает. Под пером историка появились новые, более «литературные» обороты и целые фразы. Однако в советские годы господствовало признание Иоакимовской летописи — единственного источника, нарисовавшего картину крещения Новгорода «огнем и мечом». При этом не обращалось много внимания на показания самого Татищева о происхождении «летописи».

После написания первоначального текста первого тома «Истории» Татищев пришел к

выводу, что Несторова летопись «полной и ясной древней истории» обеспечить не может, и стал искать дополнительные источники. Среди тех, к кому он обратился за помощью, был его свойственник, архимандрит Мелхиседек (Борщов). Через некоторое время Борщов прислал Татищеву письмо, в котором поведал о «монахе Вениамине, которой о собрании русской истории трудится, по многим монастырям и домам ездя». Тот «немало книг русских и польских собрал» и, неохотно сдавшись на уговоры Борщова, подарил ему один текст. Это и был утерянный ныне оригинал Иоакимовской «летописи». История, рассказанная Борщовым, не вызывала бы сомнений, но сам Татищев выдает подлинного автора с головой. «Вениамин монах, — замечает историк в примечании к письму Борщова, — токмо для закрытия вымышлен».

Иными словами, единственным поставщиком «летописи» и ее очевидным автором являлся сам Борщов. Татищев отнесся к полученному сочинению соответственно. Он почти совсем не прибегал к нему в новой редакции тома и только привел текст почти целиком в источниковом обзоре. При этом Татищев отметил, что составлена «летопись» с использованием поздних польских хроник. Таким образом, прав был первый критик Псевдо-Иоакима, знаменитый русский историк начала XIX века Н.М. Карамзин — сам

Татищев «не мыслил обманывать». Иоакимовская, к созданию которой он невольно побудил Борщова, была для него ценна лишь как способ изложения своих «догадок». На время — пока, в чем был уверен Татищев, не отыщется «полнейшая история». Другое дело, что и в XVIII, и в XX веке нашлось немало охотников обмануться.

Возможно, впрочем, что при создании своей «летописи» Борщов использовал, в том числе, и недошедшие до нас источники, среди них и довольно древние (скажем, новгородские сказания XIII — XV вв.). Однако разбираться в этом — труд длительный. Далее мы попытаемся рассмотреть, есть ли в уникальных свидетельствах Иоакимовской (особенно в рассказе о крещении Новгорода) хоть какое-то историческое зерно. Сейчас отметим одно — даже источники ее не могут восходить к X в. Это не записки современника, а поздний памятник, почти мистификация. И хороший пример того, с какой осторожностью следует относиться к историческим сочинениям позднейших эпох, особенно тогда, когда их подлинные источники мы установить не в силах. Потому и говорилось об этом столь подробно.

Но, хотя Иоакимовская летопись и является, как мы думаем, составным сочинением XVIII века, в ней использовалось, в том числе, и несохранившееся древнерусское сочинение — то самое, которое составитель Борщов совершенно

искренне принял за труд архиепископа Иоакима Корсунянина. Последнее, конечно, не так. Достаточно сказать, что крещение Руси связывалось в нем с именем болгарского царя Симеона, умершего за несколько десятилетий до воцарения Владимира.

Но что это был за памятник? По всей видимости, сказание о крещении Руси, созданное в Новгороде. Состав его оказался совершенно затемнен отрывками народных преданий, выписками из польских и немецких хроник, «догадками» составителя. Но тенденция древнего сказания отчетлива. Древний автор подчеркивал некоторую, говоря библейским языком, «жестокость» своих сограждан, выпячивал их противостояние христианизации не только своего города, но и Руси в целом. Текст сказания мог быть создан в XIII — XV веках, когда подлинные обстоятельства крещения уже стали забываться в устной памяти, но в то же время еще не окончательно перешли в мир народного эпоса.

Тем не менее, сам факт не слишком адекватной передачи Борщовым сохраненного им текста налицо. Примеру его последовал и сам В.Н.Татищев, имевший достаточно оснований не церемониться с сочинением свояка. Предположения и домыслы историк смело вносил в «летописное» повествование. В этом можно убедиться, сопоставив черновик «Истории», то есть

непосредственную копию летописного текста, с белой рукописью. Рассматриваемый фрагмент, будучи переписан набело, претерпел следующие изменения. Не совсем, видимо, уместные, на его взгляд, в этом контексте «самострелы» Татищев заменил древнерусским словом «пороки», а в речи Добрыни, обращенной к новгородцам, «помощь» почему-то стала «пользой». Мира новгородские «мужи» теперь просят, «придя к Добрыне». Самое загадочное добавление — целая фраза после описания «пороков»: *«Высший же над жрецами славян Богомил, сладкоречия ради нареченный Соловей, вельми претил люду покориться»*. Это явно чужеродная вставка в текст, где вождем восстания выведен Угоняй, и именно его захватывает в заложники Путята. Можно догадаться, что Татищев счел уместным поставить во главе восставших жреца. Но откуда он взял его имя (точнее, два имени), мы не можем и догадываться. Нужно понимать, что в XVIII в. зарождавшаяся историческая наука еще во многом стояла между летописью и романом.

Итак, вмешательство В.Н.Татищева в текст сравнительно невелико. Но и признание этого факта не делает Иоакимовскую летопись безусловно достоверной. Еще Н.М.Карамзин считал, что вся история крещения новгородцев — лишь развернутый домысел вокруг присловья туманного происхождения. В тексте Иоакимовской

летописи много очевидных противоречий и несообразностей. Откровенную нелепость встречаем уже в самом начале: как могли новгородцы поставить свои «самострелы» «на мосту», который только что сами «разметали»? Или они построили его снова — навстречу Добрыне? Кстати, именно под этим мостом — целым и невредимым, проплывал, как мы помним, Перун в летописи 1411 года. Само наличие в Новгороде двух камнеметов вызывает сильные сомнения. Хотя осадная техника славянам была известна уже с конца VI века, но строили ее, как правило, в походах на месте осады, и то не всегда, а не хранили в мирное время в городах. Об оборонительном использовании камнеметов до того на Руси ничего неизвестно, тем более на севере Руси.

Весьма странным выглядит использование как опоры в крещении Новгорода 300 ростовцев. В Ростове и его округе новая вера утверждалась с трудом и уже в XI — начале XII века. Если бы в Ростове имелись уже во времена Владимира три сотни крещеных воинов, дело, вероятно, пошло бы быстрее. Наличие в Новгороде 5000 боевых способных горожан в конце X века тоже можно подвергнуть сомнению. Нет ни письменных, ни археологических подтверждений существования в Новгороде до крещения церкви Преображения Господня, хотя факт исключить нельзя. Согласно всем источникам, идол в главном Новгородском

капище был один — деревянный Перун. Это подтверждается и раскопками на месте Перынского капища. Здесь же говорится о большом числе идолов, в том числе о каменных, в самом городе. Ни тысяцкий Угоняй, ни посадник Воробей Стоянович не упоминаются в других источниках. При этом посадником в X — XI веках титуловался княжеский наместник в Новгороде, а иногда и новгородский князь. Совершенно очевидно, что «посадником» в описываемое время был Добрыня, а не некий Воробей.

Что касается Путяты, то о его существовании можно судить лишь на основании присловья, приводимого в конце отрывка. Правда, при следующем князе киевском, Святополке Окаянном, известен некий Путята, управитель княжеской резиденции в Вышгороде. Но нельзя забывать и о том, что Путятой звали одного из представителей новгородской по происхождению боярской династии Остромировичей в XI в., и именно отсюда имя могло попасть в фольклор — в том числе в предания и былины о Добрыне. В известной былине «Добрыня и Змей Горыныч» легендарный богатырь спасает от Змея Забаву Путятичну, племянницу князя Владимира. Едва ли здесь можно строить какие-то исторические и генеалогические выводы.

Что же до «объяснения» Псевдо-Иоакимом происхождения обычая обязательно носить

нательные кресты, то столь чудовищную нелепость весьма трудно представить под пером какого бы то ни было средневекового летописца. Зато она могла родиться в уме какого-нибудь «птенца гнезда Петрова», преклонявшегося перед протестантизмом и невежественно считавшего многие древние и общехристианские обычаи – такими, как ношение креста, – местными, случайно родившимися суевериями.

Тем не менее, уже давно некоторые находки Новгородской археологической экспедиции в слоях конца X века сопоставлены с известием Псевдо-Иоакима о крещении «огнем». Следы соответствующего по времени пожара (неопределенного, конечно, происхождения) на берегу Волхова обнаружены. Мы можем полагать, что автор «летописи» опирался в данном случае на подлинное предание, в основе которой лежали реальные факты. Хотя нельзя не оговорить, что весь отрывок, объясняющий смысл слов «а Добрыня огнем» и рассказывающий о поджоге домов, вписан Татищевым на поле черновой рукописи. Сначала было просто: *«Добрыня со всеми сущими при нем подоспел, прекратилась сеча, и тогда передние мужи попросили мира».*

Но, даже не смотря на указанные проблем Иоакимовской «летописи», мы должны довериться ее свидетельству в целом. А оно достаточно однозначно. Вспомним, что именно сказано в

Иоакимовской летописи о происхождении присловья: *«из-за того люди поносят новгородцев: Путята крестил мечом, а Добрыня огнем»*. Итак, «люди поносят новгородцев». Кто же мог «поносить» новгородцев, если бы вся Русь была крещена насильственно, «огнем и мечем»? — очевидно, что никто. Так что в действительности как раз Иоакимовская летопись является решающим свидетельством против подобных утверждений. Новгород, где, по преданию, произошли какие-то столкновения, явно стал в силу такого предания исключением из общего правила. Это и привело к появлению в антиновгородских кругах (возможно, в Киеве, а может, и в Москве XV века) «поносного» присловья.

Мы не можем судить о конкретных обстоятельствах появления действительно древнего, удельной эпохи, текста новгородского первоисточника Иоакимовской летописи. Как не вполне можем судить и о его подлинном содержании. Но критичность автора к новгородскому люду совершенно очевидна. Потому какие-то беспорядки, сопровождавшие крещение в Новгороде и не замеченные ни киевским, ни официальным местным летописанием, превращаются в грозное восстание, едва не стоившее первым христианам жизни. «Поносная» приговорка, сочиненная недоброжелателями Новгорода, увенчала этот своеобразный памфлет против сограждан.

Когда в XIX и особенно в XX в. наступила пора новых переоценок, текст древнего полемиста вновь оказался востребован. Однако ему придали прямо противоположный смысл. «Иоаким» показывал свой город печальным исключением — некоторые историки нового времени попытались превратить его интерпретацию событий в типичный для всей Руси пример.

Было ли насильственное крещение Мурома?

Еще один город, относительно которого есть данные о насильственном характере крещения — Муром. Правда, отнесено это крещение ко времени позже святого Владимира. Источник — «Житие благоверного князя Константина Муромского», созданное в 50-х гг. XVI в. История христианизация города начинается в нем со времен княжения святого мученика Глеба:

И по благословению отца своего великого князя Владимира пошел благоверный князь Глеб ко граду Мурому и стал под градом; и в Муроме граде неверные люди многие ополчились и укрепились, и стоял под градом Муромом и отошел, а неверные люди князю Глебу не сдались, и благоверный князь Глеб, тех неверных людей не одолев, от града Муромы отошел 12 поприщ, и жил потом благоверный князь Глеб Владимирович в пределах Муромских два года.

Далее кратко описывается мученичество Бориса и Глеба. Притом, что в рассказе о древнем Муроме есть недостоверные детали (вроде мраморных стен первоначального городища), в целом местное церковное предание о неудачной попытке крещения при Глебе может быть и достоверным. Во всяком случае, «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора позволяет считать княжение Бориса в Ростове и Глеба в Муроме во многом формальным — по Нестору, они не отправлялись в уделы, а жили при отце. С другой стороны, весь сюжет может быть и предположением агиографа XVI в., который пытался объяснить, почему святой князь не крестил своих подданных. Так или иначе, крещение муромцев действительно произошло позднее:

По преставлении же великого благоверного князя Владимира Святославича и по убиении князей Бориса и Глеба недалний родич того же великого князя Владимира, не по многих летах, благоверный князь Константин Святославич и с ним сыновья его князь Михаил и князь Феодор, пошли из Киева ко граду Мурому, и пришли под град Муром, и во граде Муроме неверные люди ополчились во множестве, и была у них сеча великая под градом Муромом, и убили у благоверного князя Константина сына его старшего благоверного князя Михаила. И пришел на них страх Господень и ужас, и милостью Божией

благодарный князь Константин с сыном своим князем Феодором град Муром взял и неверных людей во граде Муроме покорил и подчинил бесстрашно, и воздвиг собором святым в старом городище первоначальный храм Благовещение Пресвятой Богородицы, и сына своего благодарного князя Михаила у Благовещения Пречистой Богородицы положил.

А Человеколюбец Бог желал спасти всякого человека и в разум истинный привести, и возжаждали люди града Мурома святого крещения, и Бог сотворил по желанию их... И благодарного князя Константина сердце разгорается Святым Духом, желая граду Мурому святого крещения. Когда же увидел Бог желание сердца его... просветил сердце князю Константину на новоизбранных людей града Мурома, чтоб приняли они от него святое крещение. С утром же дня благодарный князь Константин повелел град Муром известить, сойтись всем людям и идти на Оку реку креститься, назначив им день так: «Если кто не обрящется утром на реке этой, тот будет противник мне». И сошелся весь сонм града Мурома и из весей люди всех возрастов, и жены с младенцами на Оку реку; свершенные в воде стояли, одни до пояса, иные до выш, а иные бродили, а пресвитеры по берегу стояли, молитвы глаголя, и крестили во имя в Троице славимого Бога Отца и Сына и Святого Духа.

Сразу обращают на себя внимание два момента. Во-первых, если крещение и было принудительным, «сверху», как когда-то и в Киеве, то не собственно «насильственным». После своей блестящей победы князь-христианин лишь строит собор, в котором погребает своего сына, и никак не принуждает людей к крещению. На массовое крещение он решается лишь спустя время и, кажется, не без колебаний — лишь тогда, когда сердца самих муромцев обратились к новой вере. Пространные версии жития здесь богаче на подробности. Во-вторых, само описание крещения (включая и угрозы князя отказывающимся) представляет собой всего лишь прямую и сознательную цитату из летописного рассказа о крещении Киева. Едва ли этот фрагмент может служить самостоятельным историческим источником — достоверен в нем, вероятно, только сам факт крещения на Оке.

Самое же сложное, как ни странно, — это датировка событий и идентификация самого главного героя. В историчности святого Константина и в роли, сыгранной им при крещении города, сомневаться, конечно, нельзя. Излишний скептицизм опровергается и самим фактом устойчивой церковного предания о нем, и наличием его почитаемой гробницы. Однако по летописям и вообще каким-либо иным источникам князь Константин Святославич Муромский

неизвестен. С 1096 г. в Муроме правила одна и та же династия, основанная князем Ярославом Святославичем. Он и оказывается единственно возможным претендентом на роль Константина. Константин — имя христианское, Ярослав — языческое. Он — правнук Владимира Святого.

Житие, как мы помним, создавалось в XVI в. — судя по всему, лишь на основе устной традиции. В достоверности ее главного элемента — крещения муромцев, — сомневаться нет оснований. Но детали при обращении к более ранним источникам существенно корректируются. История Мурома после Глеба по ПВЛ выглядит следующим образом. Долгое время город не упоминается в летописи. Из дальнейшего можно заключить, что по разделу русских земель город достался Святославу Ярославичу. В 1088 г. Муром захватили волжские болгары. В 1095 г. Муром управлялся посадником Олега Святославича (сына Святослава Ярославича). Его сверг Изяслав Владимирович, сын Владимира Всеволодовича Мономаха и двоюродный племянник Олега. Он и вокняжился в Муроме. Муромцы открыли Изяславу ворота, схватив посадника.

Ярослав в 1096 г. действительно взял Муром с боя. Точнее, брал город Олег, которого Ярослав сопровождал. Ярослав впервые упоминается именно в связи с этими событиями. Ранее, насколько нам известно, он не княжил ни в Муро-

ме, ни где-либо еще. Обратимся к непосредственному современнику событий — автору ПВЛ:

Олег... пришел к Смоленску и, взяв воев, пошел к Мурому, в Муроме тогда был Изяслав. Была же весть Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воями к Ростиславу в Суздаль и за белоозерцами, и собрал воев много. И послал Олег послов к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего, к Ростову, а это волость отца моего. Ведь хочу, тут сев, договор заключить с отцом твоим. Вот ведь, меня выгнал из города отца моего. Или ты мне не хочешь здесь хлеба своего же дать?» Не послушал Изяслав словес сих, надеясь на множество воев. Олег же надеялся на правду свою, так как прав был в этом, и пошел к городу своему. Изяслав же ополчился пред градом на поле. Олег же вышел и пошел против него полком, и сошлись между собой, и была брань лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, месяца сентября в 6 день. Прочие же вои побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли, положили в монастыре святого Спаса, и оттуда принесли в Новгород...

Позже Олег оставил в Муроме брата Ярослава, который в следующем 1097 г., был признан муромским князем. Итак, мы видим, что житие ошибается в некоторых деталях, а акценты в нем существенно смещены. Захватом Мурома пред-

водительствовал не Ярослав-Константин, а Олег, и это был не собственно захват, а возвращение своего законного удела. Ярослав — лишь спутник, а затем наместник брата, причем при описании самого взятия города в летописи не упомянут. Братья пришли к Мурому не из Киева. Все противостояние носило не религиозный, а политический характер. Враг братьев Святославичей — такой же христианин, Изяслав Владимирович, погребенный сперва в Муромском монастыре Спаса. Само существование этой обители также достойно замечания — храм Благовещения, построенный Ярославом, не был первым в городе.

Как же следует трактовать события? Очевидно, ни редко бывавшие в Муроме Святослав Ярославич и сын его Олег, ни весьма плохо закрепившийся в городе Изяслав Владимирович не принимали мер по крещению горожан. В городе действовал монастырь, велись христианские службы, но основная часть населения оставалась языческой. Взятие города Святославичами и позднейшее укрепление в нем Ярослава сами по себе не могли изменить обстановку. Но, очевидно, Ярослав первым из правителей Муромы счел обращение горожан своим религиозным долгом. В этом и есть его заслуга перед Церковью. На поприще просвещения подданных он добился, в конечном счете, успеха. Автор жития, не располагавший достоверными письменными ис-

точниками и даже не знавший о тождестве Константина и Ярослава, в своем творении обострил до предела именно религиозный конфликт. Едва ли можно в этом упрекнуть агиографа. Однако аргументом в пользу «насильственных» крещений его известие служить не должно.

Как в действительности проходила христианизация Руси?

О том, как в действительности проходило крещение враждебной новой вере периферии, можно судить на примере Ростова. Святому мученику Борису, первому здесь князю из потомства Владимира, город обратить не удалось. Во всяком случае, первый епископ Леонтий появился в Муроме между 1032 и 1051 гг. и был убит язычниками после первых успехов проповеди. В Киево-Печерском патерике сказано, что он «священномученик, его же Бог прославил нетлением, и был первопрестольник, его же неверные, много мучив, убили». Это произошло, скорее всего, в 1070-х -1080-х гг. В 1089 г. в Ростове действовал уже следующий епископ — Исаяя.

Факты вроде убийств Леонтия или просветителя вятичей Кукши (начало XII в.), ясно указывают на то, что проповедники не обладали достаточной вооруженной силой или хотя бы охраной. Не слишком заботилась об их безопасности, кажется, и княжеская власть. Ростов был

городом княжеским, но главной заботой его правителей были междоусобицы, вроде описанной выше. Обращение Ростова было завершено трудами последующих проповедников — второго епископа Исаяи и преподобного Авраамия Ростовского, который сокрушил идол Велеса в Чудском конце — главный объект языческого культа. Деятельность Авраамия относится к последней четверти XI — началу XII в.

Примеры Ростова и Мурома демонстрируют, что даже «принудительность» крещения под давлением князя Владимира носила во многом иллюзорный характер. У киевского князя в конце X в. просто не было карательного аппарата, который мог бы принудить подданных к массовому крещению — в условиях всеобщего вооружения на-рода и сохранения племенной структуры, в том числе племенных ополчений. Это особенно относилось к финским племенным союзам северо-западной периферии — муроме, ростовской мере. Но не крестились по указу Владимира и славяне вятичи. Вывод прост — там, где креститься при Владимире не желали, как правило, не происходило ни столкновений, ни крещения.

Что обращает на себя внимание в приведенных свидетельствах источников — так это полное отсутствие сведений о преследованиях языческого жречества. Можно было бы предположить, что информацию о репрессиях «замолчали» хри-

стианские летописцы. Но, во-первых, истребление идолопоклоннических жрецов, запятнанных кровью соплеменников, было с точки зрения христианина делом достойным и не требующим дополнительных оправданий. Когда в XI или в начале XIII в. волхвов действительно карали, сведения об этом в летописи попадали. Во-вторых же, — и это главное, — у нас достаточно сведений о том, что волхвы еще во второй половине XI в. чувствовали себя на Руси довольно свободно.

Придворных волхвов в Киеве, конечно, уже не было. Зато они были в Полоцке при дворе князя Брячислава во второй четверти XI в. О его сыне Всеславе ПВЛ говорит:

Его же мать родила от волхвованя. Когда ведь мать родила его, была рубашка на голове его. Рекли ведь волхвы матери его: «Эту рубашку навяжи на него, да носить ее до конца живота своего», ее же носит Всеслав и до сего дня на себе; потому-то не милостив на кровопролитие.

Всеслав, как мы знаем из «Слова о полку Игореве», сам считался чародем-оборотнем. Мало отличались от волхвов (если вообще отличались) известные из того же источника придворные «песнотворцы» вроде «вещего» Бояна, «Велесова внука», которому приписывалась магическая сила. Недаром, видимо, захваченные боярином Янем в Ростовской земле волхвы-мятежники стремились попасть пред очи Свя-

тослава Ярославича, покровителя Бояна, — и недаром Янь не стал везти их к своему князю, а учинил суд на месте. В 1071 г. языческий волхв объявился в самом Киеве и беспрепятственно проповедовал в столице какое-то время:

В эти же времена пришел волхв, прельщенный бесом; пришел ведь в Киев, говоря, будто «явилось мне 5 богов, говоря так: «поведай людям, что на 5-е лето потечет Днепр вспять, а земли преступят на иные места, — станет Греческая земля на Руской земле, а Руская земля на Греческой земле, и прочие земли изменятся»; его же невежды слушали, верные же насмехались, говоря ему: «Бес тобою играет на пагубу тебе». Так и сбылось ему: в единую ведь ночь пропал без вести.

Об исчезновении этого незадачливого предсказателя можно строить (и строились) самые разные предположения. Во всяком случае, ясно, что христианская Русь спустя почти сто лет после крещения не имела правовой базы для пресечения самой проповеди волхвов, как и отправления языческой обрядности. Против того и другого направлено немало поучений церковных авторов — но это литература полемическая, а не юридическая. Само ее существование говорит об отсутствии репрессий со стороны властей против язычников. За человеческие жертвы можно было карать согласно уголовным нормам «Рус-

ской Правды», подобно тому как Янь в вышеупомянутом случае выдал волхвов кровникам. В ином же случае волхвов и их паству нельзя было привлечь к законной ответственности. Ни «Русская правда», ни даже церковно-правовой «Устав Ярослава», подновлявшийся веками, не содержат наказаний ни за «волхвование», ни за языческую обрядность. Ни то, ни другое преступным в домонгольской Руси не считалось и никаких репрессий не влекло. Из устава Ярослава ясно, что княжеская власть доверила церковному суду преследование некоторых языческих обычаев, преимущественно «блудного» характера, но вне всякой связи с язычеством. Некрещеных язычников пытались отлучить от общины, изолировать — но не более того (естественно, что в целиком языческой общине эта норма изолировала самих христиан). Единственные нормы, прямо карающие за языческую обрядность, относятся к женскому ведовству:

Если жена будет чародейка, или наузница, или волхва, или зелейница, муж, обличив, да накажет ее, не уклоняясь, (митрополиту 7 гривен).

Дополнение о штрафе отсутствует в Основном изводе Пространной редакции и, видимо, появилось позже. Норма эта, скорее всего, появилась сравнительно поздно (в XIII в.?) и присутствует не во всех обработках Пространной редакции — значит, не считалась самой важной.

В первоначальном виде она всецело доверяет наказание провинившейся женщины ее мужу; позже же, разоблачая жену-ведьму, он навлек на себя штраф (что, видимо, не способствовало разоблачениям). Форма наказания также оставалась на совести мужа — важен был лишь факт самого наказания.

В позднем (но не позднее середины XV в.) Археографическом изводе Простран-ной редакции (вместе с упоминанием о штрафе) появляется еще и статья «А по сим винам разводит мужа с женою». Она восходит к греческому Номоканону и имеется также в еще позднейших Архивском изводе и Румянцевской редакции Устава. Среди «вин» есть и такая:

Если жена будет помимо мужа своего воли ходить по игрищам днем или ночью, муж будет отговаривать, а она не послушает — развести ее.

Обе нормы в русском контексте были связаны между собой. Церковь использовала давнее и не слишком несправедливое предубеждение патриархальной общины против женского жречества (ведьм) с их оргиастическими, запретными для мужчин обрядами. Но дальше церковное право ранней поры не шло. На фоне не слишком, прямо сказать, суровых норм против «волхв» женского пола только ярче бросается в глаза отсутствие каких-либо уложений, направленных против волхвов-мужчин.

Волхвов начинали «преследовать» лишь тогда, когда они поднимали мятеж против власти, чинили какое-либо насилие — то есть тогда, когда их действия можно было подвести под уголовные нормы. Так было в 1024 г. в Суздале, где «избывали старую чадь по дъяволу наущенью и бесованью, говоря, будто те удерживают обилие». Ярослав Мудрый «поймав волхвов, заточил, а других казнил». Ситуация с точностью повторилась в Ростовской земле в 60-х или 70-х гг. того же века — тогда Янь, как уже говорилось, выдал волхвов их кровникам. Князь Глеб Святославич около того же времени лично зарубил топором волхва, поднявшего смуту в Новгороде. Наконец, в 1091 г. «волхв явился в Ростове, а вскоре погиб». Здесь, скорее всего, имеется в виду некий острый эпизод крещения Ростовской земли, где за пару десятилетий до того был возглавленный волхвами мятеж, а чуть позже был убит епископ Леон.

Позже ни о каких преследованиях языческих волхвов мы ничего не знаем. Археология и многочисленные поучения свидетельствуют о почти что свободном отпращивании языческой обрядности — при упорном и мирном противостоянии этому православного духовенства. Наконец, под 1227 г. Новгородская I летопись сообщает:

Того же лета сожгли волхвов 4, обвиняя их, что порчу наводили, а то Бог вестъ; и сожгли их на Ярославовом дворе.

Итак, князь Ярослав Всеволодович, обвинив волхвов в колдовстве (надо думать против себя), сжег их. Показательно отношение к этому акту официального летописи Новгородской «республики» — несомненно, духовного лица, близкого к архиепископу. Он явно сомневается и в предъявленных обвинениях, и в справедливости наказания. Возможно, здесь и объяснение того, почему русское духовенство не выступало поборником репрессий. Иерархи (подобно многим своим современникам на Западе) сомневались в самом существовании и эффективности колдовских «потворов». Веру они рассматривали как достаточную защиту для любого христианина против бесовских ухищрений. Потому и репрессии против волхвов, если те не брали в руки оружия, считались излишними и даже вредными — поскольку создавали впечатление силы врага. Все это хорошо видно на примере епископа Серапиона Владимирского (+1275), который в своих речах многократно порицает горожан за сожжение тех, кого подозревали в колдовстве:

«Великую печаль имею в сердце о вас, чада, ибо вы... держитесь языческих обычаев, веруете в волхвов и сжигаете людей, ни в чем невинных. Из каких книг вы слышали, будто от колдовства на земле наступает голод или что колдовством хлеба умножаются? Не Бог ли правит Своим творением, как хочет?... кто

веру крепкую держит к Богу, над тем чародеи не властны».

Итоги

Подведем итоги. «Насильственность» крещения невозможно обосновать источниками. Она является вымыслом авторов, надо думать, субъективно настроенных по отношению к христианству. «Принудительность» крещения («крещение сверху»), на первый взгляд очевидная, при ближайшем рассмотрении оказывается во многом эфемерной. Следует учитывать высокий сакральный авторитет княжеской власти в глаза древних славян. Именно этот авторитет содействовал первоначальному — но во многом еще формальному — успеху религиозной реформы Владимира. Подлинное же утверждение новой веры явилось следствием не одномоментного крещения в водах рек, а длительной и кропотливой работы православных миссионеров-подвижников в разных концах Русской земли. Причем работа эта растянулась на многие века, и настоящий перелом наступил даже не в XI столетии, а гораздо позже, когда борьба с монгольским владычеством вызвала к жизни консолидирующее начало в русском народе. Именно тогда православие становится духовным стержнем объединения Руси и подлинным ядром русской цивилизации.